

Поцелуй в ноги

Героем Франции может стать любой противник Буша

Екатерина Барабаш
Канны-Москва

В этом году Лазурный берег был расслабленно счастлив. «Фаренгейт 9/11» Майкла Мура оберел на Каннском фестивале столько поклонников, что отдельные недовольные всхлипы были попросту не слышны за восторженным гласом кайфующей от торжества справедливости публики. Бородатый толстяк Мур витийствовал чуть ли не на каждом углу, рассказывая всем о злодеяниях Буша и его семьи. Но, видно, отделять зерна от плевел под силу не каждому, и вполне профессиональная публицистика с вкраплениями остроумного монтажа показалась Каннскому жюри подлинным примером честного и смелого кинематографа. За который, как увлеченно повторяли поклонники Муровой ленты, фильм и запретили к прокату.

Однако стоит отметить, что никто никогда запрету фильм Мура не подвергал. Даже компания «Уолт Дисней», поначалу выразившая неуверенность в том, что широкий прокат «Фаренгейта» – дело нужное, еще до премьеры фильма в Каннах пошла на попятный, и фильму сейчас вообще ничего не грозит.

Смелость и честность? В определенной мере. Но лишь в той, в какой может быть смелым тот, кто рассказывает в свободной стране неприятные, но давно известные и обмусо-

ленные факты из жизни ее главы. Публично выставить придурком и преступником того, кого таковым считает чуть ли не весь мир, увлеченный антиамериканскими и – конкретно – антибушевскими настроениями, – да так ли велика смелость такого поступка?

Муру повезло в двух вещах: 1) в том, что он снял фильм на волне антибушевских настрое-

ний, 2) в том, что американская творческая элита, представленная в нынешнем каннском жюри, возглавляемом Квентином Тарантино, донельзя безграмотна и, по признанию Тарантино, только из фильма Мура узнала, что происходит в Ираке. Ну что ж, всех бы нас судили такие грамотеи.

В принципе «Фаренгейт» вовсе не плох. Плохо то, что спеку-

ляция порой начинает лезть оттуда, откуда ее не ждали. Казалось бы, Каннский фестиваль, святая святых мирового кино. Что здесь может быть важнее, чем настоящее, не обремененное никакими привходящими обстоятельствами кино? Что может быть важнее честного художественного соревнования, не замутненного политической неграмотностью президента жюри

или пресловутым процессом глобализации? Увы – это, похоже, не в моде.

Перед каннской публикой Майкл предстал скромнягой не от мира сего. Жаль, что мало кому довелось видеть ток-шоу в прямом эфире на одном из французских каналов во время фестиваля. На ток-шоу Мур пришел не как вшивый денди, а как свой в доску парень, смелый и раскрепощенный – в шортах и футболке. Стоило посмотреть на режиссера, которому оголтелый противник Буша бросился целовать ноги.

Пока оголтелый поклонник взасос целовал крупные волосатые ноги Майкла, тот рассказывал, что он счастлив. Не оттого, разумеется, счастлив, что подвергается обоснованному, с его точки зрения, целованию конечностей, а оттого, что благодаря Каннскому фестивалю люди Америки тоже увидят «Фаренгейт». Это он еще до «Золотой пальмы» говорил. Его спросили: «А не кажется ли вам, уважаемый господин Мур, что ваш фильм больше похож на предвыборную агитацию против одного из кандидатов в президенты, чем на художественное произведение?» Мур совсем уж сообразился обидеться, но, кажется, сообразил, что на пути к мессианству обиды неуместны, и потушил глаз. «Не мне, конечно, судить, – скромно заметил он, – но фильм сделан по всем правилам документального кино».

Майкл Мур у подножия каннской лестницы славы.

Фото Reuters

1.06.04

Мур, Майкл